

М.М. Дандамаева
ЛУЧШЕ ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ...

(Передневозточные памятники изобразительного искусства
как предполагаемый источник некоторых сюжетов
греческой литературы)

Неверные и нелепые свидетельства греков о Востоке, очевидно, в значительной степени объяснялись незнанием ими иностранных языков и отсутствием квалифицированных переводчиков и надежных информаторов, знакомых с местной историей и культурой. Однако существует еще один, более простой способ знакомства с чужой страной и ее достопримечательностями – зрительные впечатления. Необычные образы невольно притягивают взгляд чужеземца, для их восприятия не требуется владения языком, не обязательно и наличие посредника, так как воображение и жизненный опыт сами услужливо подсказывают объяснение. Некоторые рассказы греческих авторов заставляют предположить, что их источником могли послужить именно произведения изобразительного искусства, чье истинное значение осталось неизвестным грекам, интерпретировавшим эти сюжеты совершенно произвольно. Пример подобной трактовки восточного изображения привел еще Мейер, разрешивший загадку жеста Сарданапала. Многие греческие авторы рассказывают о том, что на могиле этого ассирийского царя была начертана эпитафия, призывающая всякого читающего ее наслаждаться земными благами, и красовалось изображение самого Сарданапала, слегка приплясывающего и сложившего пальцы одной руки «словно бы для щелчка»¹. Этот игривый щелчок был, как остроумно предположил Мейер, не чем иным, как молитвенным жестом поднятой вверх руки, который часто можно увидеть на памятниках новоассирийского и нововавилонского времени².

В античной версии истории Ассирии есть еще один сюжет, навеянный, возможно, искусством Переднего Востока. Ассирийская царица Семирамида, которой греки с легкой руки Ктесия приписывали множество великих деяний, в том числе основание Вавилона, родилась, по рассказу того же писателя, от мимолетной связи сирийской богини из Аскалона Деркетто с каким-то местным юношей. После рождения дочери терзаемая стыдом и горем Деркетто бросилась в близлежащее озеро и превратилась в существо с головой женщины и телом рыбы (Diod. II. 4. 2–3). Не исключено, что облик богини мог быть подсказан грекам переднеазиатскими памятниками. В искусстве новоассирийского и нововавилонского времени весьма популярными становятся известные и в более ранние эпохи изображения так называемых *kulullû*, людей, чье тело от пояса переходило в рыбий хвост (рис. 1)³. Чаще всего это были мужчины, но иногда изображались и женщины. Такие фантастические существа можно видеть на новоассирийских рельефах, они служили сюжетами печатей и терракот, использовались как архитектурные украшения зданий⁴. Огромные фигуры полурыб-полулюдей даже охра-

¹ См., например: *Arr. Anab.* II.5.3; *Athen.* 529 d–e; 530 b; *Strabo.* XIV.5.9. Суд., s.v. *Σαρδανάπαλλος*. Источником для рассказа этих авторов о прищелкивающем пальцами Сарданапале послужили свидетельства Аристобула и Каллисфена, сопровождавших Александра Македонского на Восток.

² *Meyer E.* Forschungen zur alten Geschichte. Bd I. Halle, 1892. S. 204–205; *Weissbach F.* *Sardanapal* // RE. Reihe. 2. 1920. Bd I. S. 2467–2468; *Gadd C.* *The Assyrian Sculptures.* L., 1934. P. 1, 16. Об этом жесте см. также *Borker-Klahn J.* *Verkannte neuassyrische Bronze-Statuetten* // *BGM.* 1973. 6. S. 54–60.

³ *Unger E.* *Fischkentaure* // *RLA.* 1957. 3. S. 70–71; *Lambert W.G.* *Kulullu* // *RLA.* 1983. 6. S. 324; *Green A.* *Mischwesen B* // *RLA.* 1994. 8. S. 257.

⁴ См., например: *Frankfort H.* *Cylinder Seals. A Documentary Essay on the Art and Religion of the Ancient Near East.* L., 1939. P. 219. Pl. XXXIV b; *Mallowan M.* *The Excavations at Nimrud* // *Iraq.* 1957. 19. Pt 1. P. 15–18; *Klengel-Brandt E.* *Apotropäische Tonfiguren aus Assur* // *Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte.*

Рис. 1-5

няли вход в храм Эзиды в Нимруде⁵. Этот образ был, по всей видимости, популярен и в более близкой, чем Ассирия, к грекам Сирии, откуда, кстати, и происходила Деркетто Ктесия. Изображение рыбы-человека встречается, в частности, на ортостатах дворца в Гузана, современном Телль-Халафе⁶. Появление подобных монстров в греческой культуре, впрочем, произошло гораздо раньше, чем было создано произведение Ктесия. Их силуэты украшают коринфскую керамику VI в. до н.э. (рис. 2)⁷, кроме того, иконографические черты *kuullu* на памятниках конца VII – первой половины VI в. до н.э. (в том числе на фронтоне храма в афинском акрополе) иногда имел морской бог Нерей и некое, возможно, тождественное ему существо – «морской старец»⁸. Не

1968. 10. S. 32 Taf. IX, 7; X, 2; *Madhloom T.* The Chronology of Neo-Assyrian Art. L., 1970. P. 99–100; *Reade J.E.* Assyrian Architectural Decoration: Techniques and Subject-matter // *BgM.* 1979. 10. P. 40; *Green.* Mischwesen B. P. 257.

⁵ *Mallowan.* The Excavations... P. 6, 15–18. Pl. IV. *Madhloom.* The Chronology... P. 99–100.

⁶ *Oppenheim F. von.* Der Tell Halaf. Eine neue Kultur im ältesten Mesopotamien. Lpz, 1931. Taf. 35 b. S. 155. Следует заметить, однако, что описание Деркетто у Ктесия не вполне точно соответствует передневнос-точным изображениям: она имеет женское лицо и туловище рыбы, а не только нижнюю его часть. С другой стороны, Лукиан в своем произведении «О сирийской богине» замечает, что это божество в святилище Гиераполя было представлено в человеческом облике, но в Финикии писатель будто бы видел другое изображение Деркетто: «наполовину женщина, а то место, что от бедер до кончиков ног раздваивается, как рыб-ий хвост» (*Syr. dea.* 14). Возможно, сообщение Лукиана основано на описании реального памятника, кото-рый он отождествил с Деркетто Ктесия. Шепард, напротив, полагала, что жители Сирии и Палестины действительно поклонялись богине, имевшей описанный у Ктесия облик (*Shepard K.* The Fish-tailed Monster in Greek and Etruscan Art. N.Y., 1940. P. 7).

⁷ *Frankfort.* Cylinder Seals... P. 312–313; *Shepard.* The Fish-tailed... P. 18–19. Pl. III, 17; *Buschor E.* Meermannen. München, 1941. S. 7–8.

⁸ *Luce S.B.* Heracles and the Old Man of the Sea // *AJA.* 1922. 26. P. 182–183; *Shepard.* The Fish-tailed... P. 10 ff.; *Glynn R.* Herakles, Nereus and Triton: A Study of Iconography in Sixth Century Athens // *AJA.* 1981. 85. № 2. P. 122, 130; *eadem.* Halios Geron // *LIMC.* V. 4.1. 1988. P. 410; *Pipili M.* Nereus // *LIMC.* V. 6.1. 1992. P. 825–827. № 1–12, 16–33; V. 6.2. № 2–12. P. 516–518. О восточном происхождении подобных монстров: *Shepard.*

исключено поэтому, что Ктесий, широко пользовавшийся в своем изложении ассирийской историей рассказами предшественников, которые он произвольно комбинировал, заимствовал описание причудливого существа из произведения одного из них.

Экзотические передневосточные образы произвели большое впечатление на греков VII–VI вв. до н.э. и, как известно, оказали серьезное влияние на вазопись, глиптику, мелкую пластику и другие виды греческого искусства. Можно предположить, что некоторые из подобных изображений послужили толчком и для развития философской мысли.

Среди фрагментов произведений Анаксимандра есть рассуждение о возникновении человека, известное сегодня в пересказе Плутарха: «А он [Анаксимандр] сообщает, что рыбы и люди возникли не каждый из себе подобных, но сначала люди зародились внутри рыб и, вскормленные как акулы, только когда оказались в состоянии заботиться о себе сами, вышли на сушу и завладели землей»⁹. То же свидетельство Анаксимандра, очевидно, имеет в виду римский филолог Цензорин: «Анаксимандр Милетский полагал, что из нагретых воды и земли родились или рыбы или животные, очень похожие на рыб. В них образовались люди, и зародыши удерживались внутри вплоть до зрелости, и только тогда, разорвав их, вышли мужчины и женщины, которые уже могли прокормить себя сами»¹⁰. Этот сюжет, вызвавший в современной науке дискуссию о том, можно ли считать ионийского философа эволюционистом¹¹, стоит особняком в греческой литературе и науке. Он кажется настолько неорганичным для античной традиции, что исследователь творчества Анаксимандра Кан считал приведенное свидетельство лишь выдумкой самого Плутарха¹². Однако нет реальных оснований сомневаться в авторстве милетского мыслителя, тем более, что о принадлежности подобного рассказа к его учению свидетельствуют Цензорин и в какой-то мере Ипполит¹³.

Ионию и, в частности, родной город Анаксимандра, Милет, принято считать мостом между культурой Востока и греческой натурфилософией. Сам Анаксимандр прочно ассоциировался и в античной традиции, и в науке новейшего времени с Вавилонией. Так, если Геродот (II. 109) без всякого указания имен замечает, что полос и гномон были изобретены в Вавилонии и оттуда пришли к грекам, то ряд поздних авторов приписывает посредничество в заимствовании гномона Анаксимандру¹⁴. Он же счи-

---

The Fish-tailed... P. 4 (п. 2–3; список трудов XIX в., авторы которых уже делали такие предположения), 9, 92. В отличие от упомянутых здесь антропоморфных существ с рыбьими хвостами, которые во второй половине VI в. до н.э. навсегда исчезают с греческих памятников, Тритон, возможно, имевший общее с ними происхождение, прочно вошел в античное искусство. Однако облик этого морского божества, чье туловище от пояса переходит в длинный, закрученный барочными кольцами хвост (иногда два хвоста) уже далек от иконографических особенностей kullulū (ср. *Icard-Gianolio N. Triton; Tritones // LIMC. V. 8.1. 1997. P. 68–85*). О предполагаемом восточном происхождении Тритона: *Shepard. The Fish-tailed...* P. 6. Сцилла на изображениях V в. до н.э. и более позднего времени тоже соединяла в себе антропоморфные черты с рыбьим хвостом (*ibid.* P. 45–46, 59–60, 75–76. Pl. X, XI; *Jentel M.O. Scylla I // LIMC. V. 8.1. 1997. P. 1137–1145; V. 8.2. P. 784–792*). Еще одним божеством такого рода была, по словам Павсания, дочь Океана Эвринома. Писатель передает рассказы жителей аркадийского города Фигалии о находившемся будто бы в храме богини изображении, представляющем собою до бедер женщину, а ниже – рыбу (*Paus. VIII. 41.6*; см. также *Shepard. The Fish-tailed...* P. 23).

⁹ *Plut. Quest. conv. VIII. 730 e–f = Diels. XII. A 30.*

¹⁰ *Censorin. Die nat. 4.7. = Diels. XII. A. 30.*

¹¹ Об этом см., в частности: *Burnet J. Early Greek Philosophy. 3 ed. L., 1920. P. 71; Kahn Ch. Anaximander and the Origins of Greek Cosmology. N.Y., 1960. P. 112–113; Guthrie W.K.C. A History of Greek Philosophy. V. I. Camb. 1971. P. 102.*

¹² *Kahn. Anaximander... P. 70–71.*

¹³ *Hippolyt. Ref. I. 6.6 = Diels. XII. A 11 (6).*

¹⁴ *Diog. Laert. II. 1 = Diels. XII. A 1; Euseb. P.E. X. 14. 11 = Diels. XII. A 4. Sud. s.v. Ἀναξίμανδρος = Diels. XII. A 2. У Плиния Анаксимандр, по-видимому, перепутан с Анаксименом (*Plin. N.H. II. 187 = Diels. XIII. A 14a*). Некоторые историки философии справедливо указывали на ненадежность этой традиции (см., например: *Burnet. Early Greek Philosophy. P. 51; Kirk G.S., Raven J.E. The Presocratic Philosophers. Camb., 1960.**

тался создателем первой карты ойкумены¹⁵, и в этом, по мнению исследователей, тоже был последователем вавилонян, карты и планы которых дошли до наших дней¹⁶. В сохранившихся фрагментах трудов милетца некоторые современные ученые видят следы знакомства с иранской философией¹⁷, Персия же и подвластные ей Ассирия и Вавилония были в глазах ранних греческих прозаиков тесно связаны между собой, и к описанию стран Двуречья обращались, как правило, именно те писатели, основной сферой интересов которых была Персия. На Переднем Востоке, быть может, и следует искать источник представлений Анаксимандра о происхождении человека. Невольно обращает на себя внимание сходство образа, созданного ионийцем, с иконографическими особенностями так называемых «людей в рыбьем плаще». Эти фантастические существа, внешне похожие на человеческие фигуры с накиннутой на плечи и голову рыбьей кожей (рис. 3), можно видеть в ассиро-вавилонской глиптике, на амuletах, рельефах (в том числе колоссальных размеров)¹⁸, однако особенно часто они служили сюжетами терракот. При раскопках в Нимруде, Уре и Ашшуре археологи находили ящики с подобными статуэтками под полом жилых домов, куда они помещались для отвращения болезней от хозяев жилища¹⁹. Фигурки такого типа были обнаружены и в других городах Ассирии и Вавилонии, известны также клинописные тексты, своего рода руководства по их применению. Несмотря на широкое распространение этих персонажей в изобразительном искусстве Двуречья, дошедшая до наших дней шумеро-аккадская литература не содержит рассказов о них, однако здесь на помощь приходят фрагменты труда Бероса. На заре истории человечества, рассказывает вавилонский писатель, из Красного моря вынырнуло некое существо по имени «Оан», обучившее людей грамоте и математике, ремеслам, строительству городов, и всем прочим благам цивилизации. С того времени, по мнению Бероса, больше уже ничего не было изобретено. Выполнив свою миссию, Оан нырнул обратно в море. Выглядел же наставник человечества таким образом: «Все тело у него было как у рыбы, а из-под головы росла еще другая голова, ниже рыбьей, и ноги, как человеческие, росли рядом с рыбьим хвостом. Голос же у него человеческий. Изображение его и теперь еще сохраняется»²⁰. Берос упоминает также других существ, обликом подобных Оану, которые выходили из моря на землю после него. Хотя изложенные здесь мифы об Оане и не были зафиксированы в клинописной традиции, они, по всей видимости, действительно существовали, поскольку Берос, как известно на других примерах, добросовестно излагал в своем труде произведения шумеро-аккадской литературы²¹. Кроме того, о широком распространении легенд об Оане, надо думать,

Р. 102). Однако в данном случае важна не достоверность самого факта заимствования гномона, а репутация, которую имел Анаксимандр в античности.

¹⁵ *Diog. Laert.* II. 2; *Eust.* Dior. Per. (GGM. V. 2. P. 208). *Schol. Dion. Per.* (GGM. V. 2. P. 428); *Strabo.* I.1.11 = *Diels.* XII. A 6.

¹⁶ *Meissner B.* Babylonische und griechische Landkarten // *Klio.* 1923. 19. S. 97–100; *Kahn.* Anaximander... P. 82–84; см. также *Heidel W.A.* The Frame of the Ancient Greek Maps. N.Y., 1937. P. 3, 50.

¹⁷ *Burkert W.* Iranisches bei Anaximander // *RhM.* 1963. 106. S. 97–134.

¹⁸ См., например: *Frankfort.* Cylinder Seals... P. 202; *Shepard.* The Fishtailed... Pl. 5, 6; *Klengel H.* Lamaštu-Amulette aus dem Vorderasiatischen Museum zu Berlin und dem British Museum // *MIO.* 1960. Bd 7. Ht 3. S. 344–345; *Layard A.H.* Nineveh and Babylon. L., 1953. P. 343, 350; *Madhloom.* The Chronology... P. 80–81. Pl. LXVII, 4; *Das vorderasiatische Museum (Berlin).* Mainz am Rhein, 1992. S. 175. № 113; *Green.* Mischwesen B. P. 252.

¹⁹ *Wooley L.* Babylonian Prophylactic Figures // *JRAS.* 1926. P. 692–693; *Buren E.D. van.* Foundation Figurines and Offerings. B., 1931. P. 45–47, 55, 58, 60–61, 75–76; *Mallowan M.E.L.* The Excavations at Nimrud (Kalhu). 1953 // *Iraq.* 1954. 16. P. 85–87. Pl. XIX, 1, 3, 6; *Klengel-Brandt.* Apotropaische Tonfiguren... S. 22–23, 27–28, 35. Taf. III, VI, I; X, 3.

²⁰ *FGHn.* T. 3 C. 1958. № 680. F. 1. = *Euseb.* Chron. (ed. Karst). P. 7; *Syncell.* (ed. Dindorf.) P. 51. Фрагмент Бероса известен благодаря «Хронике» Евсевия (дошедшей до наших дней лишь в армянском переводе и изданной на немецком языке Карстом) и труду византийского автора Синкелла. Содержание отрывка у обоих писателей практически идентично. Наш перевод сделан по греческому тексту Синкелла.

²¹ О шумерском аналоге греческого имени «Оан» и шумерских легендах, перекликающихся с изложенными у Бероса см. *Komor'czy G.* Berossos and the Mesopotamian Literature // *AAASH.* 1973. 21. P. 143–151.

свидетельствуют его многочисленные изображения. Судя по известным сегодня археологическим находкам, пик популярности этого персонажа приходился на конец новоассирийской и нововавилонскую эпохи, и нет ничего невозможного в том, что памятники, запечатлевшие его облик, в VI в. до н.э. могли стать известны грекам. Для этого даже необязательно было посещать долину Тигра и Евфрата, поскольку к ионийцам, как это нередко бывало, просто могли попасть печати или другие мелкие предметы с подобными сюжетами. Сверхъестественные существа, которые у современного ученого вызывают ассоциации с человеком, переодетым в имитирующий рыбу наряд, древнему философу могли показаться дальним предком людей, выросшим внутри рыбы и изображенным как раз в тот момент, когда он, выйдя на сушу, сбрасывает рыбью кожу²².

Еще одним представителем раннегреческой науки, фрагменты произведений которого заставляют вспоминать ассиро-вавилонское искусство, был Эмпедокл. О взглядах философа на происхождение человека упоминает Симплиций: «Как говорит Эмпедокл, в эпоху владычества Любви вначале части животных, такие, как головы, руки и ноги, существовали, как придется, а потом они соединились и произошли бычьеродные человеколицы и противоположные существа, очевидно, человекоподобные бычьилицы, т.е. из быка и человека»²³. Этот сюжет привлек внимание еще некоторых античных авторов²⁴, однако, вероятно, наиболее точно текст Эмпедокла передал Элиан: «Много появилось существ с двумя лицами и двумя грудями, обращенными в разные стороны. и словно бы порождения быков с человеческими лицами, и словно отпрыски людей с бычьими головами, и такие, что соединяли половые члены мужчин и женщин»²⁵. Рассуждения Эмпедокла тоже заставляют вспоминать рассказ Бероса о начале начал: «Было, говорит, время, когда все представляло собой мрак и воду, и в них зародились диковинные существа, имеющие необычный облик. Ибо родились двукрылые люди, а некоторые и четырехкрылые, и с двумя лицами (здесь и далее в этом фрагменте курсив мой. – М.Д.), и такие, что тело имели одно, а голов – две, мужскую и женскую, и срам двойной, мужской и женский. И еще люди, одни имевшие козьи голени и рога, другие – лошадиные ноги, а третьи – с задней частью, как у лошадей, а с передней – как у людей; эти имели облик гипокентавров. Родились и быки с человеческими головами, и собаки с четырьмя телами, сзади имеющие рыбьи хвосты, и кони с собачьими головами, и люди и другие существа, имеющие лошадиные головы и туловище, а хвосты рыбы, и еще другие существа, имеющие формы разнообразных животных. Кроме того, рыбы и гады, и змеи, и множество других удивительных существ, имеющих облик, отличающийся друг от друга. изображения которых выставлены в храме Бела»²⁶. Рельефы и другие памятники, украшавшие когда-то Эсагилу, храм Мардука, которого Берос на греческий манер называет Белом, не сохранились до наших дней, однако известно множество других иллюстраций к рассказу вавилонского историка. Ассиро-вавилонское искусство изобилует существами, в облике которых

²² Предположение о возможности связи гипотезы Анаксимандра с легендой об Оане высказывал еще в начале XX столетия Гомперц (*Gomperz Th. Griechische Denker. Eine Geschichte der antiken Philosophie. Bd I. 4 Aufl. B.–Lpz., 1922. S. 46, 438*).

²³ *Simplic. Phys. 371 = Diels. 31 B 61*.

²⁴ См. *Diels. 31 B 57–61*.

²⁵ *Aelian. N.A. XVI. 29 = Diels. 31 B 61*. Подробный комментарий фрагментов Эмпедокла, посвященных этому сюжету, и различные варианты их перевода предложены Боллаком: *Bollack J. Empédocle. V. 2. P., 1969. № 500–509; V. 3 (comment). P., 1969. № 500–509*; см. также *Kirk, Raven. The Presocratic Philosophers. P. 337*. Знакомство с гипотезой Эмпедокла обнаруживает, как справедливо заметил И.И. Толстой, и Аполлоний Родосский (IV. 672–681) при описании людей, наполовину превращенных Киркой в зверей. Толстой полагал, что источником Аполлония стало какое-либо изображение, но, по мнению исследователя, это было изображение на греческой вазе (*Толстой И.И. Статьи о фольклоре. М.–Л., 1966. С. 24–25*).

²⁶ *FGH. T. 3 C. 1958. № 680. F. 1 = Euseb. Chron. (ed. Karst). P. 7–8; Syncell. (ed. Dindorf). P. 52*. Перевод сделан по тексту Силькелла.

причудливо соединяются части различных животных или животных и человека²⁷, одним из примеров которого был упоминавшийся выше *kulullû*. К числу особенно популярных принадлежали изображения человекоголовых быков (рис. 4), гигантские статуи которых служили стражами ворот во дворцах новоассирийских, а потом и ахеменидских царей. Другой вариацией соединения черт человека и быка стали люди с бычьими ногами и хвостом, с головой, увенчанной рогами и звериными ушами (рис. 5). Подобные образы были столь широко распространены в искусстве Двуречья, что без труда могли стать известны иноземцу²⁸. Впрочем, если Анаксимандр жил сравнительно недалеко от стран Передней Азии и существует ряд косвенных свидетельств его знакомства с восточной, в частности вавилонской, культурой, то мы не располагаем подобными данными о выходе из Сицилии Эмпедокле. С другой стороны, не следует и совершенно исключать возможность отражения ассиро-вавилонских образов в гипотезе греческого мыслителя, тем более, что в эпоху бурного развития науки и достаточно активных контактов между ее представителями Эмпедокл, знакомый с ионийской натурфилософией, мог пользоваться сведениями, содержащимися в беседах или в трудах кого-либо из своих коллег²⁹.

Воспоминания о памятниках переднеазиатского искусства, возможно, лежат и в основе одного из сюжетов орфического учения. Этот рассказ содержится в сочинении неоплатоника Дамаския: [Теология же Орфея], «изложенная по Иерониму и Гелланику, если только это не один и тот же автор, содержит такое. "Сначала, – говорит, – были вода и вещество, из которого возникла земля". Два этих начала он полагает первейшими, воду и землю [...], третье же начало после этих двух появилось из них двоих, я имею в виду, из воды и земли: это дракон с приросшими головами быка и льва, а посередине лик бога, а на плечах у него крылья. А зовется он нестареющим Хроносом, он же и Геракл»³⁰. Не известно, произведения каких именно авторов послужили источником Дамаския, поскольку среди творцов греческой традиции было несколько писателей с именами «Иероним» и «Гелланик». Однако, как заметил Гудеман, нет ничего невероятного в том, что рассказ был заимствован из одного из сочинений логографа Гелланика Лесбосского, который, в свою очередь, воспользовался для изложения первооснов мира какой-либо орфической поэмой³¹. Это предположение выгля-

²⁷ Разновидности этих существ классифицированы в работах: *Green. Mischwesen* В. Р. 246–264; *Wiggermann F.A.M. Mischwesen* А // RLA. 1994. 8. Р. 222–245.

²⁸ В греческой мифологии тоже существовали подобные образы. Человек с головой быка, если верить Софоклу, был одной из ипостасей речного бога Ахелоя, способного принимать облик различных фантастических существ (*Soph. Trach.* 12–13). Впрочем, как заметил Боллак, Софокла могло вдохновить на это описание именно сочинение Эмпедокла (*Bollack. Empédocle. V. 3. P. 425*). Черты быка и человека соединял в себе и один из древнейших персонажей греческих сказаний – Минотавр. Греческая мифология. – в частности, такие существа, как Минотавр, Химера или Гемафродит – была, по мнению Гатри, наиболее вероятным источником гипотезы Эмпедокла (*A History... V. 2. Camb., 1974. P. 204–205*).

²⁹ С точки зрения Гатри, идеи Эмпедокла восходят непосредственно к воззрениям Анаксимандра на происхождение живых существ и человека (*A History... V. 2. P. 200*). По утверждению некоторых поздних авторов, Пифагор, к последователям которого относился Эмпедокл, посещал страны Востока, в том числе Вавилонию (*Joseph. Apion. I. 14; Porphyr. Vit. Pythag. 6; Strabo. XIV. 1. 16*). Возможно, однако, что эти сообщения были продиктованы лишь желанием подчеркнуть глубину знаний великого философа (ср. *Жидь Л.Я. Пифагор и его школа. Л., 1990. С. 22–23*).

³⁰ *Damasc. Princip.* 123 b. Ниже, говоря о потомстве Хроноса, Дамаский приводит вариацию этого образа: «Хронос этот породил тройное потомство [...] и третий после них бог бестелесный, с золотыми крыльями на плечах, с приросшими головами быков по бокам, а на голове имеющий громадного дракона, обликом схожего с разными зверями». По-видимому, дракон, увенчивающий голову Хроноса, имел необычный облик, если автор не смог вразумительно его передать. Интересно, что это описание перекликается с рассказом Лукиана о некой находящейся в храме Сирийской богини статуе, которая не имела собственного образа и заимствовала свои черты у прочих богов (*Dea Syr. 33*). У Афинагора можно найти определение Хроноса-Геракла, заимствованное, по всей видимости, из общего с Дамаскием круга источников: «Дракон, имеющий приросшую голову льва, а посередине их лицо бога по имени Геракл и Хронос» (*Suppl. Christ. 18. 3*).

³¹ *Gudeman. Hellenikos // RE. Hlbd 15. 1912. S. 121*. Кук пришел к выводу о том, что приведенный у Дамаския рассказ представляет собою сжатое изложение какого-либо эпического произведения, состав-

дит тем более вероятным, что сохранившиеся фрагменты трудов Гелланика свидетельствуют о его интересе к Персии и другим странам Переднего Востока, а приведенная Дамаскием теология, как давно уже заметили исследователи, имеет очевидные следы знакомства с восточными, в частности, с иранскими религиозными представлениями³². О культуре, а, точнее, об искусстве Переднего Востока заставляет вспомнить и облик дракона, явившегося третьим первоначалом мира. Характеристика этого фантастического существа не оставляет сомнений в том, что автор орфической поэмы исходил не из абстрактной идеи, а из зрительного образа, описанного путанно и косноязычно, возможно, даже с чужих слов, и явно не греческого по своим иконографическим особенностям. Композиция дракона заставляет вспомнить весьма распространенные на Переднем Востоке изображения героя (иногда крылатого или с крылатым солнцем над головой) с двумя животными по бокам. Этот сюжет в разных вариациях на протяжении тысячелетий постоянно встречается в искусстве разных стран. Его можно видеть на музыкальном инструменте из Урских гробниц (рис. 6), на многочисленных шумерских и ассиро-вавилонских памятниках глиптики и камнерезного искусства (в частности, в качестве детали вышивки одежды на рельефе из дворца Ашшурнацирапала II в Нимруде – рис. 7), на луристанских бронзах. Вариации этого образа были весьма популярны у хурритов и хеттов, а позже и в испытывавшем огромное художественное влияние этих народов искусстве Сирии. Прихотливая фантазия хурритов и хеттов была склонна к созданию необычных существ, как, например, так называемый «бог-меч», украшающий наряду с другими божествами скальную галерею в Язылыкая (рис. 8). Верхняя часть этого изображения представляет собою соединение трех голов: человеческой между двух львиных протом. Хеттские художественные образы бытовали в искусстве Сирии на протяжении многих веков после падения Хеттского царства. Яркой иллюстрацией этого служит, в частности, уже упомянутый выше дворец в Гузана, ортостаты которого украшали монстры с двумя львиными головами на крылатом человеческом туловище³³ и другие фантастические существа. Не исключено, что какой-либо из подобных памятников и стал прообразом приведенного у Дамаския описания³⁴. Значение композиции, состоящей из героя со зверьями по бокам, остается неразрешимой загадкой для современной науки. Ясно лишь, что речь идет об очень древнем сюжете, каким-то образом связанным с мировоззрением переднеазиатских народов. Возможно, автор орфической теогонии знал об

ленного в Ионии около 500 г. до н.э. (Cook A.B. Zeus. A Study in Ancient Religion. V. 2. Pt 2. Camb., 1925. P. 1024). Кирк и Рэвен, напротив, утверждали, что столь сложный образ не мог прийти в греческую литературу до эллинистического периода и нет никаких оснований считать Гелланика Лесбосского источником Дамаския (The Presocratic... P. 39, n. 1; p. 42, n. 1). О предполагаемых личностях этих авторов см. также Gruppe O. Die Griechischen Culte und Mythen in ihren Beziehungen zu den orientalischen Religionen. Bd I. Lpz, 1887. S. 656–657.

³² Brisson L. La figure de Chronos dans la Théogonie orphique et ses antécédents iraniens // Mythes et représentations du temps. P., 1985. P. 37–55. До Бриссона об иранских корнях этой теогонии упоминали уже многие ученые, например: Eisler R. Weltenmantel und Himmelzeit. Bd 2. München, 1910. S. 404–451; Kirk, Raven. The Presocratic... P. 39, n. 1; Guthrie W.K.C. Orpheus and Greek Religion. 2 ed. L., 1952. P. 85–91.

³³ Oppenheim. Der Tell Halaf... Taf. 33 a. S. 152–153.

³⁴ Исследователи искали соответствия описанному у Дамаския божеству среди памятников искусства, созданных под влиянием митраизма (см., например, Brisson. La figure... P. 45–46). Эти изображения действительно включают многие элементы Геракла-Хроноса, перечисленные у философа (лев, змея, бык), но композиционно весьма далеки от него. С другой стороны, интерес в этой связи представляет бронзовая булава из Луристана с головой божества, от которой с боков отходят еще две головы поменьше, украшенные острыми ушами и имеющие некоторое сходство с бычьими. Гиршман считал это изображение Зерваном, божеством времени, а также судьбы и смерти, отцом Ормазда (Ахурамазды) и Ахримана, головы которых и красовались, по мнению ученого, по бокам отцовской (Ghirshman R. Le dieu Zurvan sur les bronzes du Luristan // Atribus Asiae. 1958. 21. P. 37–42). Туловищем Зервана служит большая женская голова. Это тоже сближает персонаж луристанских бронз с образом Геракла-Хроноса, соединенного, по словам Дамаския, с Ананке-Адрастеей в некое «муже-женское» существо.

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

этом образе ненамного больше, чем современные ученые, но именно древнее происхождение изображения и будоражащие воображение черты обусловили его значение в общей картине сотворения мира³⁵.

* * *

Греческая культура VII–VI вв. до н.э., как известно, испытала значительное воздействие восточных цивилизаций. Однако мнения исследователей относительно степени этого воздействия различны, а иногда и противоположны. Невозможно отрицать влияние изобразительного искусства Востока на греческое, но достаточно популярные представления о науке и философии Передней Азии как фундаменте соответствующих областей греческого знания вызывают вполне обоснованные возражения³⁶. Не менее распространены попытки найти на Востоке корни греческой мифологии, прежде всего сказаний о Геракле. Основанием для возникновения подобных гипотез служат

³⁵ В науке XIX в. божество с животными по сторонам получило название одного из самых популярных персонажей шумеро-аккадской литературы Гильгамеша, хотя для подобного отождествления нет серьезных оснований. Не исключено, что такой же была и логика греческих философов, сопоставивших могучего героя с Гераклом. Этот сюжет композиционно очень близок к популярным в VII–VI вв. до н.э. изображениям так называемой владычицы зверей: богини или, гораздо реже, бога с двумя животными или птицами по бокам (Icard-Gianolio N. Potnia // LIMC. V. 8. 1. 1997. P. 1021–1027); богиня нередко бывает крылатой, иногда представлен лишь ее бюст между протомами животных (ibid., p. 1024–1025). В роли владычицы зверей могла выступать крылатая Горгона (Krauskopf I. Gorgo, Gorgones // LIMC. V. 4. 1. 1998. P. 310–311). По всей видимости, источником этого образа послужили передневосточные памятники (ср. Schefold K. Die Griechen und ihre Nachbarn. В., 1967. S. 19; Icard-Gianolio. Potnia. P. 1027).

³⁶ Жмудь. Пифагор... С. 18–20.

сюжеты ассиро-вавилонского искусства, вызывающие невольные ассоциации с греческими легендами об этом герое. К ним прежде всего относятся изображения божества в львиной шкуре, персонажа, отрубавшего головы семиглавому чудовищу, наконец, многочисленные сцены борьбы героя (иногда, впрочем, вполне конкретного ассирийского царя) со львом³⁷. Именно эти памятники заставляют ученых считать родиной мифов о Геракле Переднюю Азию. Причем, поскольку некоторые из находок, о которых идет речь, датируются III и II тыс. до н.э., заимствование этих легенд относят еще к микенской эпохе. Однако сегодня совершенно не известно, какие именно восточные сказания иллюстрировали упомянутые изображения и были ли эти сказания действительно похожи на греческие мифы. Нельзя не заметить, к тому же, что сохранившаяся клинописная литература различных регионов Переднего Востока, в отличие от изобразительного искусства, не содержит эпизодов, имеющих явное сходство с рассказами о Геракле и других популярных богах и героях. Кроме того, сказания о богах в ту эпоху, надо думать, были еще слишком важны для жизни человека, чтобы чужие легенды могли с легкостью заимствоваться, даже если допустить свободное владение иностранным языком у посредников. Характерно, что в тех редких случаях, когда заимствование передневносточных мифов надежно засвидетельствовано (в гораздо более позднее время), они отливались в форму привычного греческого сюжета³⁸. Все это заставляет предположить, что источником греческой мифологии в ориентализирующую эпоху могли стать памятники не словесного, а изобразительного жанра. В частности, исследователи уже проводили параллели между обликом Химеры на коринфских вазах (рис. 9, 10) и хеттскими монстрами, иконографические черты которых бытовали в искусстве Сирии на протяжении многих веков после падения Хеттского царства (рис. 11)³⁹. Нетрудно заметить, что если Гомер представляет себе Химеру как существо, состоящее из частей трех животных – «спереди лев, сзади дракон, коза в середине» (Il. VI. 180 sq.), – то Гесиод, буквально повторяющий слова своего предшественника, тут же уточняет, что именно они означают: у чудовища были *головы* сразу трех этих животных (Theog. 319–324)⁴⁰. Сходство описания Химеры у Гесиода и ее облика на коринфских вазах, с одной стороны, и сирийских изображений, с другой, слишком характерно, чтобы быть случайным.

В связи с проблемой соответствия сюжетов на восточных памятниках искусства греческим мифам привлекает внимание нередко встречающийся в глиптике нововавилонской и ахеменидской эпох персонаж, который поддерживает двумя руками и головой крылатое Солнце (рис. 12). Мотив крылатого Солнца был заимствован переднеазиатскими мастерами из Египта, но, по всей видимости, трактовался ими как изображение неба⁴¹. При взгляде на этого героя невольно напрашиваются ассоциации с Атлантом, которые могли бы показаться лишь современным проецированием сюжета греческой мифологии на древние памятники, если бы не раннегреческая литература. С точки зрения Гомера Атлант является лишь владельцем столбов, соединяющих небо и землю (Od. I. 53–54), но у Гесиода он сам держит небо, причем, не на спине и плечах, как в искусстве более позднего времени, а на «голове и неутомимых руках» (Theog. 518)⁴². Разумеется, сходство этого или почти любого другого сюжета может оказаться случайностью, однако явной натяжкой было бы допустить возможность

³⁷ Levy G.R. The Oriental Origin of Herakles // JHS. 1934. V. 54. Pt 1. P. 40–53; Frankfort. Cylinder Seals... P. 121–122.

³⁸ Подробнее об этом см. Дандамаева М.М. Ассирия и Вавилония в мифологии греков // ВДИ. 1997. № 3. С. 19–22.

³⁹ Roes A. The Representation of the Chimaera // JHS. 1934. V. 54. Pt 1. P. 21–25.

⁴⁰ Еще больше соответствует изображениям на коринфских вазах восходящая к Гесиоду характеристика Химеры у Псевдо-Аполлодора, который полагал, что она имела протому льва, хвост дракона, а третью голову – посередине – козы (Bibl. II. 31).

⁴¹ Frankfort. Cylinder Seals... P. 208–210.

⁴² Возможность влияния этих памятников на иконографию греческого Атланта упоминал еще Кюмон (Cumont F. Recherches sur le manichéisme. T. I. La cosmogonie manichéenne. Bruxelles, 1908. P. 71. n. 2).

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

столь большого количества случайностей. По меткому замечанию Дунбабина, монстры в «Теогонии» Гесиода описаны гораздо более ярко и детально, чем в гомеровском эпосе⁴³. Причина этого кажется очевидной: между Гомером и Гесиодом лежал начальный период установления контактов между греками и народами Передней Азии. Восточные изображения, истинный смысл которых был совершенно не понятен грекам, вполне вероятно, интерпретировались ими в духе уже выработанных понятий. Так, по словам Геродота, он наше в Египте явные признаки почитания Геракла, Персея и Диониса (II. 29, 42–45, 47–49, 91, 123, 144–146, 156; III. 97; VI. 53–54), в то время как очевидно, что «отец истории» лишь помещает все увиденное в чужой стране в рамки привычных верований. Возможно, подобным же образом в VII–VI вв. до н.э. наследники Гомера с присущим грекам той эпохи представлением об общности богов и героев всей ойкумены решили, что наконец-то воочию увидели персонажей древних сказаний и внесли коррективы в собственные мифы.

IT IS BETTER ONCE TO SEE...

(Monuments of Near East Art as a Conjectural Source of Some Greek Mythological and Philosophical Topics)

M.M. Dandamayeva

It is a common knowledge that things are better perceived by sight than comprehended through long stories, especially if those stories are told in a foreign language. Some plots of the Greek literature permit us to assume that they were based upon descriptions of Near East Monuments. The Greeks were deeply impressed by these monuments but misunderstood and misinterpreted them guided by their own ideas of the world. Among the subjects in question is the legend about Decrete. The story itself was made up by Ctesias (or some earlier Greek author), but describing the goddess' appearance the writer was probably under the impact of numerous Syrian and Assyrian monuments depicting men (rarely women) with a fish-like lower part of their body and with a fish tail. We can guess as well that some eastern images and

⁴³ *Dunbabin T.J.* The Greeks and their Eastern Neighbours. Studies in the Relations between Greece and the Countries of the Near East in the Eighth and Seventh Centuries B.C. L., 1957. P. 56.

representations gave impetus to the Greek philosophy. Thus, according to Anaximander, the first men were conceived and grew up inside fishes and only after that came out. This idea reminds us of Assyrian and Babylonian figures of the so-called man in fish cloak mentioned by Berossos under the name of Oannes. Mesopotamian hybrid monsters, first of all human-headed bulls and men with bull head, tail and legs, could have served as a source of Empedocles' ideas of the earliest stages of human life when, as the philosopher believed, parts of animals and men existed separately and joined each other by chance. Some influence of Near East monuments representing a hero with two animals at his sides (sometimes reduced to heads and busts only) can be suspected in the Orphic description of Heracles-Chronos.

A great number of Eastren pieces of art which seem to illustrate popular Greek myths made some scholars to postulate an oriental origin of certain Greek mythological plots, first and foremost the legends of Heracles. Cuneiform literature, however, contains no episodes really close to the myths about this or any other particular Greek popular hero. Therefore we can assume that the Greeks were influenced mostly not by the oriental folklore but by pictorial representations, and, getting to know the images of oriental art in the 7th-6th c. BC, they believed that at last they had before their eyes characters of old legends and in some cases amended their own myths.